

Ульян Демьянов

ТРАВНИК
Мёртвая голова

18+

Ульян Демьянов

Травник. Мёртвая голова

<https://litres.ru/73868331>

SelfPub; 2026

Аннотация

Ландшафтный дизайнер Вера получает заказ на редкое растение «мёртвая голова» и отправляется в глухую сибирскую деревню. Местные боятся произносить имя местного знахаря, но Вера не верит в суеверия — пока не встречает его самого.

Он лечит, поит травяным чаем и обещает: «Три дня — и цветок покажется». Но с каждым глотком память стирается, границы реальности размываются, а лес перестаёт быть чужим.

Что, если спасение — лишь часть ритуала? И кто на самом деле хозяйничает в её сознании?

Психологический триллер с элементами тёмной романтики и магического реализма. Повествование, где реальность и иллюзия сплетаются до неузнаваемости.

ISBN: 978-5-0070-4068-6

Содержание

Глава 1. Нафталин	4
Глава 2. Тайлак	9
Глава 3. Прокоп	15
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Травник. Мёртвая голова

Глава 1. Нафталин

Чай пах странно: как будто в обычную заварку бросили горсть сушёных цветов — что-то сладковатое, с кислинкой. Хозяйка смотрела — пришлось отпить. Свет в комнате на секунду дрогнул. Вера взглянула на окно: за стеклом ветер раскачивал ветки.

— Хорошо, — сказала Вера.

Тепло разлилось в груди за секунду — быстрее, чем от обычного чая. Вера хотела удивиться, но мысль растаяла.

Марьяна Антиповна сидела в кресле, выпрямив спину так, будто у неё позвоночник был железный. Руки хозяйка положила на колени, и за всё время разговора ни разу не шевельнулась. Словно проросла в обивку. Вере стало не по себе — слишком неподвижно для живого человека. Лицо у неё было асимметричное — левая бровь выше правой, уголки губ опущены, но это не выглядело ни грустно, ни строго. Просто такое лицо. Вера подумала: может, у неё нерв защемлён? Или в молодости была травма?

— Я редко кого приглашаю, — сказала Марьяна Антиповна. Голос тихий, без резких интонаций. Так, наверное, говорила бы патока, если бы умела говорить. — Но мне нужен тот, кто понимает. Понимает, что сад — это не клумбы и га-

зон.

Вера кивнула. Она слышала это много раз, от разных заказчиков. Сад — это философия. Сад — это высказывание. Сад — это продолжение души. Ладно. Она привыкла.

В комнате пахло фиалкой. И ещё чем-то, что Вера не сразу узнала, а когда узнала — удивилась: нафталином. Так пахло в шкафу у бабушки, которая умерла, когда Вера училась в институте. Она вдруг отчётливо вспомнила этот шкаф, тёмного дерева, с резными ручками, и как она, маленькая, залезала внутрь и дышала этим запахом. Странно. С чего бы сейчас?

Она перевела взгляд на подоконник. Там теснились горшки с растениями — несколько штук, с наклейками на каждом. Что-то написано от руки, мелко, не разглядеть. Растения тёмные, мясистые — может, какой-то суккулент, может, что-то из паслёновых. Вера не всматривалась.

— Я хочу ядовитый сад, — сказала Марьяна Антиповна. — Не декоративный. Не страшный с виду. Настоящий. Чтобы каждое растение было опасным, но при этом — красивым. Понимаете разницу?

— Понимаю, — сказала Вера. — У меня был опыт с аконитами, клещевиной, наперстянкой.

— Это всё обычное. — Марьяна Антиповна чуть наклонила голову. — Мне нужно то, чего нет в каталогах. То, что не продают в питомниках.

Что ж, бывает. Вера имела дело с коллекционерами — лю-

ди с деньгами часто хотели чего-то «не как у всех». Один просил чёрные тюльпаны, другой — орхидею, которая пахнет шоколадом. Ядовитый сад — новое, но не самое странное пожелание.

— Есть одно растение, — сказала Марьяна Антиповна. — В тайге. В Сибири. Местные называют его «мёртвая голова».

Вера хотела спросить: а латинское название, семейство? Но не спросила. Что-то отвлекло. Она снова потянулась к чашке, сама не заметив — просто рука поднялась и поднесла чай к губам. Глоток. Вкус стал глубже, теплее, и на секунду ей показалось, что комната изменилась. Тени легли иначе. Или свет стал желтее.

— А вы, Вера, одна в Москве живёте? Родня? Муж?

Вопрос прозвучал обыденно — словно про погоду или про то, как Вера добралась.

— Нет. Я одна.

— Одна — это удобно. — Марьяна Антиповна смотрела на Веру. — Никто не дёргает, не спрашивает, где вы и когда вернётесь.

Вера допила чай. Поставила чашку на блюдце — и вдруг заметила, что не помнит, делала ли она второй глоток. Или третий. Вкус ещё был на языке, а сам момент — стёрся. Бывает. Устала, наверное.

— Растение, — напредила Вера. — Мне бы знать точнее.

— Вы найдёте. Я в вас не сомневаюсь.

И тут Вера вдруг подумала: «Старые Глухари». Название

всплыло в голове целиком, как будто она всегда его знала. И маршрут следом: поезд, потом автобус, потом пешком. Она никогда не слышала про эту деревню. Она вообще не знала, что такая есть. Но знание было — чёткое, ясное, как строка в ежедневнике.

«Так не бывает», — подумала она. Может, читала где-то когда-то. Прочитала, забыла, а сейчас — вспомнила. С профессионалами такое случается.

— Старые Глухари, — сказала она вслух.

Собственный голос прозвучал странно. Как будто она говорила не в гостиной с тяжёлыми шторами, а в пустой бочке. Короткое эхо — и тишина. Акустика, наверное. Старый дом, высокие потолки, много дерева.

Марьяна Антиповна не кивнула, не подтвердила. Только бровь — ту, что выше, — чуть приподняла.

— Счастливого пути, — сказала она.

Вера встала. Голова была ясная. Почти. Она попрощалась, вышла в прихожую, потом на крыльцо.

Дверь закрылась мягко, без щелчка.

Она пошла по дорожке к калитке. Тени от старых лип падали на гравий, и воздух был прохладный, влажный — хотя день стоял тёплый. Участок казался запущенным, но дорожки были чистыми, кусты подстрижены так, чтобы создавать лабиринт. Всё здесь было устроено с умыслом. Просто умысел этот не имел ничего общего с обычным садом.

У калитки она обернулась. Дом стоял серый, с плотно за-

шторенными окнами, и почему-то казался больше, чем когда она входила.

Вера села в машину. Завела двигатель. В голове прочно сидело: «Старые Глухари. Поезд. Потом автобус. Потом пешком».

Она выехала на трассу и, только когда за окнами замелькали многоэтажки, подумала: а всё-таки, откуда она это взяла? Марьяна Антиповна сказала только «тайга» и «Сибирь». Не называла ни деревни, ни маршрута. Вообще ничего конкретного.

Вера замерла на секунду, пытаясь восстановить картину. Чай. Горшки с наклейками. Женщина в кресле с прямой спиной. А потом — пробел. Просто гладкое место в памяти, где не за что зацепиться. Она попыталась ещё раз. Пустота.

Но знание было. Конкретное. Она знала, куда ехать.

Вера пожала плечами и перестроилась в левый ряд. Наверное, прочитала об этом когда-то. В какой-то статье, в блоге, в комментариях на форуме. Информация отложилась, а теперь всплыла. Такое бывает. Она профессионал, у неё заказ, и она знает, что делать.

И вообще — сильно ли она обо всём этом думала? Да нет. Почти не думала. Просто ехала и смотрела на дорогу.

Глава 2. Тайлак

Деревня Старые Глухари. Десяток домов по обе стороны улицы, покосившиеся заборы, огороды, заросшие лебедой. И тишина. Автобус высадил её у магазина с облупившейся вывеской, на которой ещё угадывалось слово «Продукты», и уехал, оставив за собой облако пыли.

Вера поправила лямки рюкзака. Возле магазина курили двое мужчин. Один в старом пуховике, второй — в застиранной фуфайке. Они смотрели на неё без враждебности, но и без особого интереса — просто потому, что она была на улице единственным живым существом, кроме них.

Она кивнула. Они кивнули в ответ.

Вера застегнула куртку. День был пасмурный, небо низкое, и краски вокруг казались выцветшими, как старая фотография. Она прошла к краю деревни, где дорога уходила в лес, и увидела мужчину, который чинил забор. Он забивал гвоздь, да промахивался — молоток соскальзывал со шляпки, оставляя вмятины на сырой доске. Руки у него были большие, ногти обломанные, с каймой грязи. Он поднял голову, когда она подошла, и его глаза — какие-то слишком маленькие на широком красноватом лице — скользнули по её лицу, по куртке, по ботинкам и ушли обратно к доске.

— Мне нужен проводник, — сказала Вера. — В лес. Я заплачу.

Мужчина перестал стучать. Медленно, будто нехотя, повернулся к ней. От него пахло перегаром и дешёвым табаком.

— Некогда мне. Забор вон надо чинить.

— Пять тысяч.

— И неохота куда-то идти.

— Десять.

Он отвёл взгляд. Потом вдруг повернулся к ней, и голос его упал:

— Там Тайлак. Не ходи.

Слово царапнуло слух — незнакомое, какое-то непривычное. Не русское, что ли.

— Кто это — Тайлак? — спросила она.

Он не объяснил. Просто смотрел на неё, и в его глазах было что-то, что Вера не могла прочитать. Страх? Да нет, не страх — скорее, суеверный ужас пополам с чем-то ещё.

— Это местный? — уточнила Вера. — Лесник? Кто?

— Не ходи, — повторил он. — Никто туда не пойдёт. Ты тоже не ходи. Не вернёшься.

Он сплюнул через левое плечо и взялся за молоток. Стукнул раз, другой, третий, и по его спине Вера поняла, что разговор окончен.

Странно.

Она постояла ещё минуту, глядя на то, как он забивает гвозди — слишком быстро, слишком нервно для человека, который просто чинит забор. Потом развернулась и пошла

к лесу.

Дорога за деревней превратилась в колею, заросшую травой. Вера шла быстро, не глядя под ноги. Навигатор не работал — связи не было, — но ей и не нужно было. Она знала, куда идти. Чувствовала направление так же отчётливо, как твёрдую почву под ногами.

Лес начался сразу, без опушки. Сосны, ели, подлесок из кустарника и папоротника. Свет померк, стал рассеянным, без теней. Пахло хвоей и прелой листвой. Где-то далеко стучал дятел — единственный живой звук в этом мёртвом покое.

Она шла уже час, когда начала чувствовать — что-то не так. Какое-то ощущение взгляда между лопаток. Она обернулась. Никого. Только стволы, ветки, мох. Пошла дальше. Снова обернулась. Никого. Но ощущение не уходило — кто-то смотрит.

Она ускорила шаг. Теперь она уже не шла — почти бежала, хотя старалась держать себя в руках. И тут впереди, поперёк тропы — волк.

Вера замерла.

Он был большой. Она смотрела на него снизу вверх — тропа шла под уклон. Шерсть серая, свалывшаяся, с рыжиной на загривке. Глаза смотрели прямо на неё. Волк не рычал, не скалился. Просто стоял и ждал.

Вера медленно выдохнула. Главное — не бежать. Не поворачиваться спиной. Она начала отступать — шаг, другой.

Волк качнул головой, и в этом движении мелькнуло что-то такое точное, такое рассчитанное, что у неё похолодело в груди.

Третий шаг.

Он прыгнул.

Дальше всё было как в замедленной съёмке. Она видела, как его тело летит к ней — длинное, вытянутое, лапы с растопыренными когтями. И звук пропал. Вера открыла рот и не услышала собственного крика. А потом время с треском встало на место, звук вернулся — резкий, с металлическим звоном в ушах, — и она упала.

Боль пришла не сразу. Сначала — только удар и тяжесть, запах мокрой шерсти и горячее дыхание на лице. А потом — острая, режущая, в предплечье. Клыки сомкнулись на руке. Вера попыталась ударить, вывернуться, но он был слишком тяжёлым.

А потом он исчез.

Просто. Вдруг. Тяжесть пропала, и сверху был только серый свет сквозь ветки. Вера лежала на спине, глядя в небо, и не могла понять — что случилось?

Она повернула голову.

Рядом стоял мужчина.

Высокий. Жилистый. Волосы тёмные с проседью, собраны на затылке. Борода густая, с запутавшимися травинками. Одет просто: льняная рубаха, ремень, сапоги. В руке — что-то тёмное. Палка? Нож? Она не разглядела — предмет быст-

ро исчез, будто растворился.

Мужчина не выглядел встревоженным. Просто стоял и смотрел на неё.

— Не двигайся, — сказал он.

Голос низкий, с растянутыми гласными. Он опустился на корточки, взял её за запястье — рука твёрдая, сухая, с бугристыми венами и мелкими шрамами. Сдвинул рукав, повернул рану к свету.

— Жить будешь.

— Кто вы? — спросила Вера. Голос был чужой. Или это оттого, что она не слышала его сквозь звон в ушах.

Он не ответил. Достал из-за пояса тряпицу, начал перевязывать ей руку. Быстро, умело. Вера стиснула зубы. Когда он затянул узел, боль стала тупой, пульсирующей. Уже легче.

— Здешний я, — сказал он наконец. — Живу здесь.

Он помог ей подняться. Рюкзак оттягивал плечи, но мужчина подхватил его одной рукой, как будто это был не груз, а так, мелочь. От него пахло дымом, кореньями и чем-то сладковатым, что Вера не могла определить. Или не хотела.

— Вы шли за мной? — спросила она.

— Лес не место для одного, — ответил он. — Особенно для того, кто не знает дороги.

— Я знаю дорогу.

Он посмотрел на неё — и в его глазах, серых, светлых, что-то мелькнуло. Интерес? Оценка? Насмешка?

— Куда же ты шла?

Вера открыла рот. И закрыла. Она не знала. Она знала, куда идти — но не знала, как описать это место.

— Я приехала за растением, — сказала она наконец.

Он кивнул — так, будто услышал именно то, что ожидал.

— Пойдём, — сказал он. — До моего дома недалеко.

Он взял рюкзак и пошёл вглубь леса. Вера двинулась за ним, чувствуя, как кровь пропитывает повязку. Лес смыкался за спиной. Впереди между стволами шёл человек, который даже не представился. А она толком и не спросила.

Голова была тяжёлой. Всё, что имело значение, — не споткнуться о следующий корень.

Глава 3. Прокоп

Дом, к которому он её привёл, был добротным срубом из тёмного леса, сложенным так ладно, что ни одной щели. Окна маленькие, но не слепые — изнутри, наверное, свет давали. Крыльцо высокое, дверь тяжёлая, с кованой ручкой.

Он толкнул дверь, пропуская её вперёд.

Внутри пахло сушёными травами. И чем-то ещё, чего Вера не могла опознать. Сушёные пучки висели под потолком, над печью, на стенах — целые ряды. Листья, стебли, корни, одни ещё гибкие, другие иссохшие до хрупкости.

Посреди комнаты стоял стол из нестроганных досок — грубый, тяжёлый. На нём — несколько глиняных кружек, миска, нож с потёртой рукоятью. В углу — лежанка, застеленная льняной тканью. Ничего лишнего.

Он поставил рюкзак в угол, прошёл к печи, загремел за-слонкой. Вера осталась стоять у порога, разглядывая полки, уставленные банками и горшками. Наверняка настойки и сборы. У неё у самой в московской квартире была полка с травами — просто там было в несколько раз меньше.

Он вынес миску с тёплой водой и чистую тряпицу. Поставил на стол. Жестом указал на табурет.

— Садись. И куртку скинь.

Вера села, осторожно стянула куртку с больной руки. Он опустился напротив, взял её за запястье, начал смывать

кровь. Движения у него были плавные, змеистые. Пальцы грубые, ногти тёмные, с въевшейся землёй, а касания — лёгкие, почти невесомые. Странный контраст.

— Повезло, — сказал он. — Зубы неглубоко прошли. Заживёт.

— Откуда там волк? — спросила Вера.

— Лес есть лес.

— Но он исчез. Куда?

Он промолчал. Наложил на рану какую-то мазь из банки — тёмную, резко пахнущую горечью — и принялся перевязывать. Вера смотрела на его пальцы. Грубые, бугристые, а бинт завязывали ровно, аккуратно, без единого лишнего движения.

— Кто вы? — спросила она снова.

Он поднял голову. Свет от печи падал сбоку, оставляя одну половину лица в тени, а другую — в дрожащем, тёплом свечении.

— Прокоп, — сказал он.

Просто. Без фамилии. Прокоп.

Вера кивнула. Имя было старомодное, какое-то дремучее. Но ему шло. Она попыталась представить его в городе, в метро, в офисном костюме — не смогла. Прокоп. Только здесь, только в лесу.

— Как ты здесь оказалась? — спросил он.

И Вера вдруг поняла, что не знает, как. Она знала, зачем. Но кто сказал ей идти именно сюда? Заказчица? Да нет, та

вообще ничего конкретного не говорила.

Она не помнила.

— За растением приехала, — сказала она. — Я ландшафтный дизайнер. Мне заказали найти одно растение — «мёртвая голова».

Он никак не отреагировал. Только кивнул, будто услышал что-то привычное.

— Знаю такое, — сказал он. — Не сразу даётся. Не каждому.

— Где оно растёт?

Он закончил перевязку, убрал грязную тряпицу в миску. Встал, прошёл к печи, взял кружку. Налил в неё что-то из кувшина — тёмное, пахнущее мятой и мёдом. Поставил перед ней.

— Пей.

— Что это?

— Чай. Согреешься.

Вера взяла кружку. От первого глотка по телу пошло тепло — не обжигающее, а мягкое, уютное, как плед. Вкус был странный. Не горький, не сладкий — плотный, обволакивающий, с каким-то сухим послевкусием, как от нагретой солнцем травы.

— Где оно растёт? — повторила она.

Он сел напротив, сложил руки на столе.

— В лесу. Искать надо.

— Покажете?

— Не сейчас. Утром поговорим. Ночуй.

— Мне бы не хотелось никого стеснять.

— А никого и нет, — сказал он просто и кивнул на деревянную лежанку. — Ложись.

Вера покосилась на лежанку. Потом на дверь.

— Боишься? — спросил он.

— Нет, — соврала она.

— И правильно. Бояться надо. Но не здесь.

Вера легла.

Он снял со стены тулуп, накинул ей на плечи. Вера не помнила, чтобы ей было холодно, но тепло показалось приятным, нужным. Голова стала тяжёлой. Она хотела спросить ещё что-то — про волка, про тропу, про Тайлака, о котором говорил тот мужик в деревне, — но мысли путались и расплзались. Веки налились свинцом.

Прокоп что-то делал в углу — двигался тихо, почти беззвучно. Скрипнула половица. Шорох. Заслонка печи лязгнула.

— Спи, — сказал он.

И Вера уснула.

Без снов. Без звуков. Просто провалилась в тёмную, мягкую тишину, где не было ни Москвы, ни заказа, ни даже её самой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.